

Моно- или мультилинейность развития современного мира

Монолинейность и мультилинейность – два основных концептуальных подхода к оцениванию процессов в современном мире. Принятие идеи унитарности/безальтернативности исторического процесса было тесно увязано с европоцентристским подходом к истории человечества. И на марксистское, и на либеральное отрицание мультилинейности развития конкретных обществ решающее влияние оказала гегелевская схема «ступенчатого» развития истории к единому для всего человечества идеалу. Правда, знакомство Маркса с историей стран Востока и России привело его к сомнениям относительно универсальности европейской схемы смены формаций (первобытный коммунизм – рабовладение – феодализм – капитализм – коммунизм).

В либерализме обоснованием безальтернативности пути развития служит ныне классическая теория модернизации (У. Ростоу, Т. Парсонс). Либеральный унитаризм предполагает мир как иерархическую систему, где страны мира делятся на «эшелоны», как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере, стремящиеся догнать находящиеся впереди. Правда, «догнать» у подавляющего большинства так и не получается.

Наряду с унитаристским подходом, в соответствии с которым процессы развития отдельных социально-исторических организмов (в современном мире обществ-государств) образуют единый процесс истории человечества, существует и мультилинейный (плюралистский). Суть его заключается в том, что человечество представляет собой совокупность относительно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную историю, свои этапы становления, развития и увядания. На смену погибшим историческим организациям и цивилизациям приходят новые, совершающие свой собственный цикл развития.

Одним из первых сторонников плюралистического подхода был выдающийся русский ученый Н.Я. Данилевский – автор знаменитой книги «Россия

и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому (1869 г.) [Данилевский, 2003]. Именно Данилевскому принадлежит мысль о том, что среди факторов, обуславливающих мультилинейность исторического процесса и многообразие форм развития общества, особая роль принадлежит тому или иному типу цивилизации. Он писал: «Цивилизация есть понятие более обширное, чем наука, искусство, религия, политическое, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности, и цивилизация все это в себе заключает. Я говорю, что даже и религия есть понятие, подчиненное цивилизации» [Там же, с. 129] Он не критиковал западноевропейскую культуру, но отрицал представление о ней как о едином и единственном типе культуры, он воспринимал себя стоящим на почве иной культуры, равноправной и равноценной европейской [Там же].

Кстати говоря, такой подход был органически присущ китайским интеллектуалам, развивавшим его одновременно с Данилевским и независимо от него. Поиск собственной «самобытной» национальной модели развития еще во второй половине XIX в. привел определенную часть китайских мыслителей и политиков к идее необходимости сочетания заимствований западной техники, методов производственного управления и т.д. с сохранением ядра национальной культуры. Значительно позднее в оригинальном китайском учении – маоизме нашли воплощение существенные черты модернизирующихся цивилизаций, *создав пространство для национальных концепций развития* [Виноградов, 2008].

Уже в XX в. получили широкую известность построения таких сторонников исторического плюрализма, как О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилев, С. Хантингтон и другие.

Признание параллельного развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия. В то же время следует принять во внимание, что институциональные и ценностно-нормативные системы, задающие саморазвитие социальным организмам, свойством универсальности не обладают. А соответственно, и базирующиеся на них цивилизации, и охватываемые последними нации-государства мультилинейны в своем развитии [Шкаратан, 2004].

Существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно именовать «европейским» и «азиатским». Первая идет от античного полиса, это цепочка обществ, которые характеризуются частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество – государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспо-

тиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности в отношениях. В мировой истории в общем-то и пространственно, и во времени преобладал этот тип цивилизации [Васильев, 1994].

В течение тысячелетий эта система самовоспроизводилась при смене династий, доминирующих языков и даже при смене социоисторических организмов на огромных пространствах Земли и охватывала большую часть человечества (ибо данный тип социетальной системы, меняя феноменологические черты, самостоятельно, без внешнего воздействия не способен к структурному переустройству принадлежащих к нему социальных организмов). Именно в части тех стран, где исторически доминировала эта вторая, не европейская линия развития, в середине XX в. установился этакратизм [Шкаратан, 2004, 2009].

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между монолинейным и плюралистическим подходами. И мы не можем при таком подходе игнорировать опыт предыдущих столетий, закрепленный во вполне проверяемых источниках. Этот опыт демонстрирует совершенно разные исторические варианты развития не только исчезнувших, но и ныне существующих социально-исторических организмов. Одни из них перешли в свое время от первобытности к феодализму, затем к капитализму; другие от первобытности перешли к азиатскому способу производства, а от него – к зрелым формам капитализма (постиндустриализму); третьи «застряли» во внерыночной фазе развития, адаптировав этот тип экономики к условиям глобальной мировой системы. Мы можем рассуждать лишь в пределах определенного исторического горизонта, измеряемого жизнью нескольких ближайших поколений. Нет смысла ломать копья по поводу будущего за пределами XXI столетия.

С конца 1990-х гг. в западной литературе сравнительно широкое распространение получают теории неевропейского модерна, множественности форм модернизации, все чаще наблюдается отказ от смешения модернизации с вестернизацией, проводятся масштабные сравнительные исследования цивилизаций. Эти идеи приобрели особую поддержку в развивающихся странах, где авторы акцентируют внимание на ограниченности существующих социальных теорий, неприменимых для анализа незападных форм современного общества. Такую же позицию занял британский социолог М. Музилис. Он констатировал, что теориям модернизации, развивавшимся и Т. Парсонсом, и Э. Гидденсом, и другими авторами, присущ европоцентризм. Рассматривая процесс модернизации и сложившийся в Японии, и формирующийся в некоторых других азиатских государствах тип общества модерна, Музилис отмечает отли-

чия от англо-американской модели, в частности, ориентацию не на быструю максимизацию прибыли, а на долгосрочный экономический рост, что достигается гибкой государственной поддержкой отдельных отраслей промышленности. Музилис не исключает, что в недалеком будущем «полуавторитарный азиатский капитализм может получить преобладание над своим более либеральным англосаксонским конкурентом». Подобные же идеи высказывает и шведский автор Б. Витрок [Mouzelis, 1999, p. 153; Масловский, 2008, с. 31–44].

В мировой практике на протяжении второй половины XX в. наибольшую известность получили две целостные и достаточно контрастные модели экономического развития – американская и японская, – каждая из которых четко строится на альтернативных системах ценностей: в одном случае – достигательно-индивидуалистической, в другом – достигательно-коллективистской. Мировое значение японских преобразований заключается в том, что у них старые ценности явились источником институтов современности. Всем наблюдателям совершенно очевидно, что и китайцы совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции своей древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем цивилизации США и Европы. Это – не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, также как и японская.

С точки зрения мультилинейного подхода в современном мире сосуществуют несколько основных цивилизаций, качественно различающихся по институциональным и ценностно-нормативным характеристикам. Эти цивилизации сопряжены с доминирующими религиозными системами. Применительно к Центрально-Европейскому и Евразийскому ареалам (посткоммунистические страны, находящиеся в состоянии трансформации) – это католицизм, протестантство, православие, мусульманство. Складывающиеся в этой связи нынешние социально-экономические и социально-политические ситуации в странах этих ареалов существенно различны в целом ряде отношений. Расхождение в характере развития, результативности проведенных либеральных реформ в странах ЦВЕ и Балтии, с одной стороны, и в большей части бывших советских республик, с другой, во многом обусловлено глубинными цивилизационными межстрановыми различиями. Эти цивилизационные особенности должны быть обстоятельно изучены.

Системы цивилизаций и модели экономического развития постсоциалистических стран

Система псевдосоциалистических стран имела свое ядро, полупериферию

и периферию. Ядро – это доминирование «чистых форм» этакратизма – стейтизма. Периферия – резкое ослабление черт этакратизма, навязанного вооруженными силами этакратического СССР, с сохранявшимися все время в той или иной степени, присущими Западу экономическими институтами, ценностями и социальными нормами. К ядру мы относим большую часть республик бывшего СССР (без Балтии и Украины); к полупериферии – Болгарию, Румынию, Сербию, Украину и т.д.; к периферии – Польшу, Венгрию, Чехию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и т.д.

Сам географический охват «социализмом» совпадал: а) с регионом вторичного закрепощения крестьянства на западе этого ареала (Пруссия, Польша, Венгрия и т.д.) и б) с регионом длительного господства государственного (азиатского) способа производства в евразийской (восточной) части этого ареала. В последнем столетиями отсутствовали как значимые частнособственнические отношения и доминировали отношения «власть – собственность». В этих обществах не было классов, гражданских отношений, правового государства и т.д. Другими словами, к этим обществам (Россия, Закавказье, Средняя Азия) неприменимы теории и категории, объясняющие структуру и генезис западных и восточноевропейских обществ (при всех существенных различиях между последними).

Напомню, что странам Центральной и Восточной Европы (первый ареал) этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы тех стран, которые обладали большим опытом рыночной экономики, гражданского общества, правового государства. Они на протяжении примерно 45-летнего периода советско-российского доминирования не случайно так и остались ненадежной периферией «реального социализма». Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, – в России и Китае, Вьетнаме и Монголии.

Современная социетальная система, сложившаяся в странах ЦВЕ и Балтии, – результат единой восточноевропейской антикоммунистической революции 1989–1991 гг., носившей, по определению В.И. Ильина, системный характер. Эти революции были движимы идеями догоняющей модернизации [Ильин, 2006, с. 262–266]. Через сравнительно короткий промежуток времени стали очевидными позитивные результаты в становлении рыночной экономики и либеральной демократии у таких стран, как Чехия, Словения, Польша, Венгрия, Словакия. Все они могут быть охарактеризованы как носители европейской культурной традиции, западного христианства, многовековой традиции частной собственности и определенного опыта гражданских отношений и правовой государственности [Колодко, 2009].

Развитие же России и ряда других государств бывшего СССР пошло по другому пути. Мы придерживаемся следующего концептуального видения развития России. Современное российское общество, так же как и советское, относится к особой цивилизации (евразийской), которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе. Таким образом, в социальном пространстве Европы сосуществуют, по меньшей мере, две самостоятельных цивилизации, другими словами, две существенно различающихся Европы.

Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны – носительницы евроазиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества [Бердяев, 1990; Пивоваров, Фурсов, 1999, Пивоваров, Фурсов, 2001; Пименов, 1999].

По обоснованному мнению О.Э. Бессоновой, экономика России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей своей истории с IX по XX вв., а экономическая эволюция страны есть эволюция институтов раздаточной экономики. В результате всех событий постсоветских лет в стране формируется институциональная основа «*либерального раздатка*», т.е. такой системы экономических отношений, в которой (при сохранении своей сущности) институциональное ядро раздаточной экономики воплотится в либерально-экономические формы. К этим формам относятся договорная модель управления, бюджетное регулирование, хозяйственная независимость основных экономических объектов ограниченно встроенного института рыночной торговли и частного предпринимательства [Бессонова, 2006].

Не менее определен в своих суждениях политолог В.Б. Пастухов: «...Россия следует своей исторической дорогой, а Запад – своей, пусть даже эти дороги периодически повторяют одни и те же изгибы... Адекватно описать ход русской истории можно скорее в рамках концепции «параллельного», чем «догоняющего» развития» [Пастухов, 2006, с. 7–8]

В свою очередь, продолжая эту же линию анализа развития России как иной, незападной цивилизации, социолог С.Г. Кордонский в серии публикаций 2008 г., противостоя доминирующей традиции, применил для описания имперского, советского и современного российского общества сословное представление о социальной стратификации и показал, что «сословия – а не классы – в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры». В имперской России были одни сословия, в СССР – другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи. Собственно, переходы от одних «россий» к другим и есть смены принципов сословного устройства [Кордонский, 2008].

Таким образом, можно считать фактом развития социальной науки по-

следних лет постепенное укрепление творческого направления, в основе которого лежит идея полилинейного развития цивилизаций, включая евразийскую. Представляется, что теория евразийства (Н. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Гумилев и др.) может стать важным системным элементом анализа процессов развития современной России и ее восточных соседей. [Русский узел евразийства, 1997; Гумилев, 1993].

Используя материалы трех повторных представительных опросов, проведенных в постсоветский период, нам удалось показать, что социально-экономическое устройство современного российского общества и весь присущий ему строй социально-групповых отношений носят специфический этакратический характер. Его первооснову образуют слитные отношения «власть—собственность», завуалированные частнособственнической оболочкой. Принципиальным отличием от европейских обществ является доминирование сословно-слоевых членений над собственно классовыми и социально-профессиональными, присущими развитым капиталистическим обществам. Эмпирическое подтверждение этой гипотезе нам удалось получить, решая задачу поиска реальных социальных групп, характеризующихся максимальной однородностью социально-экономического положения, а также параметрами обладания властными, человеческими, культурными и социальными ресурсами [Шкаратан, 2009].

Среди западных исследователей и аналитиков по-прежнему бытует мнение, что социально-экономический порядок современной России принципиально не отличается от устройства большинства развитых европейских стран: она представляет один из типов капитализма.

Ян Драхокупил попытался проинтегрировать взгляды ученых, преимущественно из европейских стран, на характер социально-экономических отношений в посткоммунистических странах [Drahokoupil, 2009]. Для решения задачи им были взяты три, пожалуй, лучших коллективных книги, написанные высокопрофессиональными авторами и изданные в престижных издательствах. Каков же итог? Он обнаружил, что все обсуждения сводятся к уточнению типа капитализма в той или иной из посткоммунистических стран, по крайней мере, Европы («либеральный зависимый капитализм», патримониальный капитализм», «гибридный государственно-рыночный капитализм», «олигархический капитализм», «веберийский политический капитализм» и т.д.).

Общим местом является наличие в этих странах (от Польши и Чехии до России) регулируемой рыночной экономики (controlled market economy). Однако никто из авторов специально не оговаривает, почему в отличие от истинно западных стран (Балтия, страны центральной Европы) Россия и ее преимущественно «православные» постсоциалистические соседи целиком не вписываются ни в одну из приведенных классификаций, оставляя массу вопросов.

Так, например, сам Драхокупил вообще при обсуждении указанных стран осторожно обходит этот вопрос стороной. Рассуждая о типах капитализма, которые четко обозначились в современной Европе (основной раздел по линии старая Европа – новая Европа), он лишь вскользь упоминает об «особости» России, присваивая ей ярлык СМЕ (controlled market economy).

Однако если подобный подход и применим к Европе («общее и особенное»), то в этот ряд едва ли вписываются нации-государства, принадлежащие к евразийской цивилизации. В связи с этим мы предполагаем в дальнейшем продолжить развитие идеи о русском народе как представителе евразийской цивилизации, образующем ее западный ареал, пограничный с европейской цивилизацией. Отметим попутно, что западная граница СССР кануна Второй мировой войны может считаться подлинной границей евразийской цивилизации. Поэтому во всех сторонах жизни России на протяжении веков, как и в других пограничных культурах, были значимо представлены элементы соседствующей европейской цивилизации. Особенно это относится к периоду существования Российской империи от Петра I до революции 1917 г., когда в стране активно присутствовал чисто европейский компонент (Польша, Финляндия, Прибалтика), а сама российская государственность органично входила в «концерт» европейских держав.

В заключение приведу высказывание видного современного социолога США, многие годы проводившего исследования в постсоветской России, Майкла Буравого. Коснувшись дискуссии в *AJS* (*American Journal of Sociology*) по поводу переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе, он сказал: «Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, является примером провала реформ. Все говорили о примере Румынии или Болгарии. Но ведь провал-то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского опыта... Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как, например, анализ Китая. Россия всегда стояла особняком, рассматривалась, скорее, как исключение. Но мне кажется, что социология только выиграла бы, если бы она включила в сферу своих исследований этот крайний случай – со столь необычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает сведение российского опыта к некой общей теоретической схеме» [Радаев, Добрякова, 2006, с. 37–38].

Литература

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006.

- Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. (Вводная часть. Сущность проблематики.) М.: Высшая школа, 1994.
- Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М.: НОФМО, 2008.
- Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М.: Алгоритм, 2003.
- Ильин В.И. Политическое переустройство постсоциалистических стран // Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Колодко Г.В. Мир в движении / пер. с польск. М.: Магистр, 2009.
- Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
- Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2.
- Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2006. № 2.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская власть, русская система, русская история / Красные холмы: Альманах. М.: Изд. дом «Городская собственность», 1999.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // ПОЛИС. 2001. № 4.
- Пименов А.В. Дряхлый Восток и светлое будущее // Мир России. 1999. № 1–2.
- Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Китай и Россия // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 2.
- Радаев В., Добрякова М. Экономическая социология. Автопортреты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 37–38.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997.
- Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / О.И. Шкаратан и коллектив. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита пресс, 2004.
- Drahokoupil J. After Transition: Varieties of Political-economic Development in Eastern Europe and the Former Soviet Union // Comparative European Politics.

2009. № 7(2).

Mouzelis N. Modernity: A Noneurobian Conceptualization // *British Journal of Sociology*. 1999 Vol. 50. № 1.